

Бродский в Америке

Бродский прилетел из Лондона в Детройт 9 июля 1972 года³⁸⁰. С самого начала его американской жизни был задан повышенный темп. Уже 21 июля он полетел в Западный Массачусетс к своему американскому переводчику Джорджу Клайну, чтобы поработать с ним над книгой избранных стихов³⁸¹. Работал он, в основном сидя на дереве: ему страшно понравился домик на ветвях старого дуба – американцы часто строят такие детям для игры³⁸². Благодаря газетам и в особенности телевидению, оповестившим страну о приезде русского поэта-изгнанника, на Бродского сыпались бесчисленные приглашения. Клайн рассказывает, что с лета 1972-го до весны 1973 года он выступал вместе с Бродским в качестве его переводчика в университетах и колледжах Америки около тридцати раз. Бродского особенно

378 СИБ-2. Т. 5. С. 274.

379 См. об этом выше, в разделе, посвященном чтению англо-американской поэзии в Норенской. Тема «Бродский и поэтика Одена» не уместается в рамках данного очерка, она заслуживает серьезного исследования.

380 Дата приводится в письме от 2 августа 1972 г.

381 Selected Poems. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1973. В конце того же года второе издание вышло в Америке в издательстве «Harper and Row».

382 Труды и дни 1998. С. 227.

трогало то, что ему писали, предлагая гостеприимство, и простые американцы. Но у него уже было где поселиться, помимо дуба в Массачусетсе.

С точки зрения иммиграционной службы США, Иосиф Бродский был одним из нескольких десятков тысяч бывших советских граждан еврейского или номинально еврейского происхождения, подавших в Америку в семидесятые годы. Подобно некоторым выдающимся ученым или известным диссидентам в этом потоке он не имел оснований особенно беспокоиться о своем будущем в новой стране – его имя было известно в академических, журналистских и правительственных кругах. Стараниями Карла Проффера ему было предложено место в Мичиганском университете с годовым окладом в двенадцать тысяч долларов, что в те времена было приличной суммой. К тому же он был одинок и свободен от забот о семье.

Трудоустройство, заработки составляют, однако, лишь часть иммигрантских забот. Всем новым американцам приходилось пережить то, что социологи называют «культурным шоком», адаптироваться в обществе, устроенном совсем на других принципах, нежели то, в котором они выросли. Фундаментальные понятия американской цивилизации головокружительно отличались от российских. «Успех» и «неудача», «богатство» и «бедность», «народ» и «правительство» и даже конкретные понятия – «дом», «город», «автомобиль», «обед», «пойти в гости» – значили в Америке не совсем то или совсем не то, что в России. Личная свобода, полная ответственность за собственное существование да и материальный комфорт стали нелегкими испытаниями для тех, кто к ним не привык. Бродский оказался более подготовленным, чем многие, к первоначальному неуюту чужого мира. У него за плечами был уже богатый опыт изгойства в родной стране. Быть школьником в заводском цеху, здоровым в сумасшедшем доме, интеллигентом на совхозном поле или чужаком в незнакомой стране – разница невелика. Кажется, он вообще боялся социального уюта как пути к душевной энтропии уже тогда, когда не хотел вписываться в либеральный фрондирующий литературный круг, где со значением, как гимн, пели песню Булата Окуджавы: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке!» Он даже из собственного дома с собственного дня рождения убежал, когда застолье становилось слишком задушевным.

Да и страна, куда он переехал, не была для него такой уж незнакомой. Бродский был из того меньшинства эмигрировавшей в Америку интеллигенции, кто прошел долгую школу заочного знакомства с американской культурой. Голливуд, джаз, американская литература несли исподволь колоссальное количество культурной информации о заокеанской стране. Бродский не шутил, когда начинал историю свободомыслия в советской России с фильмов о Тарзане³⁸³. Оглашающий воплями джунгли Тарзан Джонни Вейсмюллера и фехтующий флибустьер Эррола Флинна действительно могли преподать впечатлительному ребенку первые уроки индивидуальной свободы как абсолютной ценности, а ковбои и шерифы вестернов – образец личной ответственности за себя и то, что Бродский называл «мгновенной справедливостью». Когда Иосиф пошел и увлекся, как многие в его поколении, джазом, он распознал в основе этого искусства тот же по существу принцип личной независимости, одинокой свободы. В великом романе Мелвилла, в стихах Эдвина Арлингтона Робинсона, Роберта Фроста, Эдгара Ли Мастера открывались иные, тревожные аспекты индивидуализма. Но этика одинокого противостояния хаосу и ужасу мира, «мужество быть» были привлекательнее аморального марксистского детерминизма («свобода есть познанная необходимость») или циничного релятивизма, сформулированного персонажем одного из эзоповских стихотворений Евтушенко: «Настоящей свободы – ее ни у нас, ни у вас...»³⁸⁴ Выше мы цитировали знаменитую строфу из «Щита Ахилла» Одена о

383 См. Волков 1998. С. 107-108.

384 «Сенегальская баллада» (1966); Евтушенко Е. А. Собрание сочинений. В 3 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 2. С. 96.

маленьком человеческом звереныше, который совершает зло, потому что никогда не слышал «of any world where promises were kept» («ни о каком таком мире, где сдерживаются обещания»). Собственно говоря, Оден откликается здесь на еще более хрестоматийное (самое хрестоматийное!) американское стихотворение двадцатого века «Остановившись в лесу снежным вечером» Роберта Фроста, которое кончается:

But I have promises to keep,
And miles to go before I sleep,
And miles to go before I sleep.

(Но за мной еще обещания, которые надо сдержать / И мили пути до ночлега, / И мили пути до ночлега.)

Это лишь один пример того, как из пристального чтения американской поэзии Бродский мог исподволь получить представление об обществе, где личная ответственность аксиоматична.

Бродский не раз повторял, что жить в чужой стране можно, только если что-нибудь в ней сильно любить. «Что нравится лично мне, так это то, что здесь я был оставлен наедине с самим собой и с тем, что я могу сделать. И за это я бесконечно благодарен обстоятельствам и самой стране. Меня всегда привлекали в ней дух индивидуальной ответственности и принцип частной инициативы. Ты все время слышишь здесь: я попробую и посмотрю, что получится. Вообще, чтобы жить в чужой стране, надо что-то очень любить в ней: дух законов или деловые возможности, или литературу, или историю. Я особенно люблю две вещи: американскую поэзию и дух [американских] законов. Мое поколение, группа людей, с которыми я был близок, когда мне было двадцать, мы все были индивидуалистами. И нашим идеалом в этом смысле были США: именно из-за духа индивидуализма. Поэтому, когда некоторые из нас оказались здесь, у нас было ощущение, что попали домой: мы оказались более американцами, чем местные»³⁸⁵.